

УДИВИТЕЛЬНО и невыразимо чувство Родины... Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещающая нас то ли в часы разлуки, то ли в счастливей час проникновенности и отзвука И человека, который в обычной жизни слышит мало и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельные слух и зрение, позволяющие ему опускаться в самые заповедные дали, в глухие глубины истории родной земли.

И не стоять человеку твердо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения своей ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, кто он есть. Былинный источник силы от матери — родной земли представляется ныне не для избранных, не для богатейших только, но для всех нас источником исключительно важным и целебным, с той самой волшебной живой водой, при возвращении человека в образ, дух и смысл свой, в свое неизменное назначение.

И, посещая чужие земли, как бы ни восхитились мы их рукотворной и нерукотворной красотой, душой мы постоянно на Родине, все-таки примеряем только к ней, все-таки ведем свой отчет от нее. И тот, кто потерял это чувство земного притяжения, кто ведает одну лишь жизнь свою без неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего — вечного, значит, огромную потерю: радость и муку, счастье и боль глубинного своего существования.

...Есть города, которые насчитывают многие сотни и даже тысячи лет. Стоят они сановито и важно, изо всех сил оберегая с помощью лучших граждан своих старину и доблесть. И есть громкие современной славой города, которым только десятки лет, но которые в праздничных перечнях норовят выступить вперед, за счет своей индустриальной мощи. Иркутск, мой родной город, по этим меркам в среднем возрасте: три сотни и второй десяток лет доходит, как в 1661 году енисейским сыном боярским Яковом Похабовым был срублен на Ангаре «против Иркут-реки на Верхоленской стороне государев новый острог». И, как я представляю себе, немало пострадавший в новейшие времена от скорых и неумелых пластических операций, от горячей бездумной силы по части сновос и перестроек, Иркутск, однако же, сумел сохранить свое лицо. И стоит теперь Иркутск, умудренный историей и жизнью, спокойно и мудро, зная силу себе и цену; в меру знаменитый и прежней славой, и новой, в меру скромный, издавая культурный, традиционный гостеприимный, чуть опустившийся в пригороде за собой, но прекрасно сознающий, что, верно, опустился. — стоит Иркутск, наделенный долгой и взыскательной памятью камня своего и дерева, с любовью и немалым удивлением взвизгивающий на дела нынешних своих граждан, которые составляют 600-тысячное почти население, по-родительски оберегающий их от зноя и холода, дающий им жизнь, приют, работу, Родину и вечность.

Есть особенный час, в который легко отзывается Иркутск на чувство к нему. Приходится этот час на раннюю пору летнего рассвета, когда еще не вошло солнце и не расплылось, не смыло горячей волной настоявшееся за ночь, взятые из недр своих запахи, пока не разнеслись их торопливые прохожие, а редкую и недолгую тишину не погубил машинный гул. Лучше всего очутиться в такую пору в старом Иркутске, в одном из тех его уголков, где не столько в ветхости и разоре, сколько в службе пока и красоте сохранились одна общиной деревянные дома. И стоит лишь вступить в их ряды, стоит сделать первые шаги по низкой и теплой теплом собственноручной тишине, как очень скоро теряться ощущение времени и оказываешься в удивительном и сказочном мире, из той знаменитой сказки, когда волшебная сила на сто лет затворила и усыпила, оставив в неприкосновенности все вокруг.

Летом 1879 года пробуждал здесь самый, пожалуй, жестокий из всех иркутских пожаров, уничтоживший большую часть города. Но если на центральных улицах

разрешено было после того только каменное строительство, здесь, на месте дерева, снова легло в стены дерево. Иркутскому жителю было не привыкать: Иркутск горел многожды, и всякий раз снова и снова поднимался из пепла еще богаче, красивее и просторнее, снова и снова горожанин клал стены, чаще всего по своим собственным наметкам и чертежам, подводя крышу, стеклил окна, въезжал в новый дом и принимал его украшать.

Нет, не просто построить, чтобы тепло и удобно было жить, не построить на удивление и загляденье, точно картинку, точно терем волшебный, в котором, быть может, настанет и волшебное житье, — вот что считалось

важным и, как теперь говорить, престижным. Дух соперничества в новшествах и красоте никогда не оставлял сибиряка и подвигал его на многие значительные дела. В этом же искусстве если и был кто равен сибиряку по всей огромной России, так разве лишь мужик из его прародины — из Архангельска, Вологодчины, Великого Устюга и Новгородчины, откуда и вынесли, очевидно, первые насельники Сибири свое ремесло. Вынесли и развили до удивительного совершенства и бесконечно причудливой, навешной новой жизнью и новыми просторами, фантазии, привили везде и всюду — в городе и деревне, у охотников, пахарей и мастеровых. Только полностью нитий карманом или духом человека, поставив жилье, не украсил, не украсил, не расписывал его, не колдовал над ним, и уж одно это оставалось печально его нищеты и безысходности на всю жизнь. Долгими неделями и месяцами выпивал, вытаскивал, вырезал, подгонял мастер свою кружевную затею. По трафаретам стали работать позже, когда ставили богатые доходные дома и трудились артельно: признанный же и уважающий себя художник по дереву творил, не ведая ограничительных рамок. Фантазия иной раз увлекала его в такие добри и выси, что из них нет, казалось, выхода, чтобы не нарушить пропорции и чувство и не испортить начин, но он чудом находил его и из неведомых, порою языческих далей доставлял желанную жар-птицу, которая волшебным оперением вспыхивала на фронтонах, карнизах и наличниках дверей и окон, на кронштейнах и пилястрах — на каждой малости: смотрите, люди, и радуйтесь.

«Я был во многих городах и столицах разных стран и могу сказать, что такой деревняной архитектуры, такой изумительной резьбы, как в Иркутске, нет ни в одном уголке мира», — отзывался о нашем городе художник Илья Глазунов, известный знаток русской старины. Справедливости ради надо сказать, что такой уголок все-таки есть, и находится он не столь уж и далеко от Иркутска. Это Томск, который благодаря относительной близости своей к первопрестольной издавна оспаривал у Иркутска славу лучшего и просвещенного из всех сибирских городов и не без успеха до революции претендовал на сибирскую столицу. И хотя А. П. Чехов по пути на Сахалин отозвался о Томске, что это «скучнейший город», а об Иркутске: «Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный», надо полагать, по отношению к Томску это и тогда не совсем было верно. Что же до интересующей нас сейчас старины и, главное, заботы о ней — сравнение будет явно не в пользу Иркутска, особенно по части деревянных памятников. Иркутск свою старину лишь донашивает и славен ею лишь постолу, поскольку она не успела еще везде потерять свою ценность и вид. Томск же свою хранит и в последнее время прямо-таки лелеет, восстанавливая силами производственной реставрационной мастерской каждый достойный внимания дом, не говоря уже о неоправданном сносе.

ДЕРЕВО недолговечно, и самые древние постройки в Иркутске, конечно, не из дерева. Не сохранились, к

сожалению, и деревянные усадьбы XVIII века. У иркутян на памяти еще борьба за «горбатый дом», построенный на рубеже XVII—XVIII веков и стоявший на ул. 5-й Армии, борьба, окончившаяся не в пользу общественности, когда среди ночи дом снесли. Такая же участь постигла и многие другие памятники деревянной архитектуры наших предков. Восстановленный дом декабриста Трубецкого — малая часть того, что могло быть сделано и что не в состоянии восполнить потерю.

«Архитектура — тоже лептис мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания и когда уже ничто не говорит о погибшем народе. Пусть же она, хоть

отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осеняла нас мысль о минувшей его жизни и погружала бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшего ступенью нашего собственного возвышения» (Н. Гоголь).

Дерево имеет удивительную способность продлевать нашу память до таких глубин и событий, свидетелями которых мы не могли быть. Лучше сказать — это способность передавать нам память наших предков. Камень более недвижим и холоден; дерево податливо и ответно чувству. В деревянных кварталах, где-нибудь среди башенных Красноармейских, а до того — Солдатских улиц не так уж и трудно представить себе старый Иркутск, предположим, 30—40-х годов XVIII века, когда город разросся и вышел за стены острога.

Разумеется, другие стояли тогда здесь домишки, другая была планировка — все другое, но и глаз закрывать не надо, чтобы представить себе Иркутск того времени в такой яви и близости, что видишь изломанную и кривую грязную улочку, величавую поступь по ней бороздотого красноглазого кушча, направляющегося куда-то в сторону царствующих над городом куполов Спасской церкви и Богоявленского собора, и по дороге недовольно хрюкнувшего на возмущающих в грязи ребятишек; слышишь голоса лениво переругивающихся из-за высоких заборов от скуки баб, ржание лошадей и скрип телег проходящего через Заморские ворота к Байкалу обоза.

Выправлением вольной городской планировки, кстати вспомнить, ретиво занялся позднее, уже в начале XIX века при генерал-губернаторе Пестеле, который изволил править обширным краем в основном из Петербурга, гражданский губернатор Трескин, прославившийся отчаянной борьбой с богатым иркутским купечеством. Трескин вообще мало в чем ведал сомнения, а в деле выпрямления улиц — в особенности. По его указанию набрана была из арестантов местной тюрьмы бригада во главе с Гущей, остававшаяся в летописях нашего города и в быту под названием «гущинской команды». Вот как свидетельствует об этом в «Записках иркутского жителя» писатель И. Т. Калашников:

«Спору нет, что благоприятнее вещь хорошая, но только уж слишком непереносно поступали с домами, стоявшими не по плану. Согласие домовладельцев тут было делом излишнее. Бывало, явится гущинская команда — и дом поминай как звали. Если же не весь дом стоял не по плану, а только какаля-нибудь особенно смелая часть его вылезала вперед, то без церемонии отпилят от него сколько нужно по линии улицы, а там поправляй его как умешь».

Иркутск, однако же, продолжал расти, хорошо и богато, существуя, как бы со своим собственным законом, умел и охранять, и возвышать себя, и с редким достоинством переносить потери на протяжении своей истории.

Первое городское каменное строение, к сожалению, не дошло до наших дней. Это была поставленная в

1704 году на территории острога по берегу Ангара воеводская канцелярия, или приказная изба. В прошлом веке, когда стали укреплять берег, чтобы сохранить место колыбели Иркутска, канцелярию пришлось снести. Зато сохранились Спасская церковь и Богоявленский собор — самые древние и наиболее интересные по архитектуре каменные здания по всей Восточной Сибири.

Потому, впрочем, и интересные, что древние. Потому и дороги они так сердцу иркутян, что вещей и нетленной, доступной каждому памятью доносит нам время, дух и искусство наших предков, которые имеют в этих стенах живое и конкретное

выражение и которые говорят об устремленности и вере человека в свою вечность. Спасская церковь дорога нам изначально прежде всего тем, что это единственное оставшееся от Иркутского острога строение, поставленное всего пятьдесят лет спустя после рождения Иркутска. По ней мы определим границы острога (она была встроена в крепостную стену, обращенную к нынешней площади им. Кирова), можем представить себе Соборную площадь (на месте Вечного огня), где оглашали царские и воеводские указы, творились расправы, собирались горожане как на праздники, так и во дни великих и трагических российских событий. Церковь была заложена в 1706 году и через четыре года закончена. Не нужно быть специалистом, чтобы увидеть в ней допетровскую еще, древнерусскую архитектуру как в основных формах, так и в оформлении.

В новом, во многом заемном архитектурном стиле возводили в это время Петербург, сменила свой градостроительный почерк Москва, но Иркутск далеко, Иркутск свои первые каменные строения ставит еще по старинке, в родном, так чудно воспарившем после татар национальном духе. Однако в заложенном всего через восемь лет после Спасской церкви Богоявленском соборе есть уже изменения в пользу нового стиля, и хорошо заметны черты раннего барокко в декоре фасадов, которые, в отличие от Спасской церкви, расписаны пышно и полностью. Изменения видны, но весь храм, как ансамбль, как единое целое представляет собой причудливое сочетание старого и нового стилей, когда малость стертости, можно предположить, и зная прекрасно, как принято строить, с удовольствием сбивался на то, как было бы ему строить и что больше отвечало его вкусу. Богоявленский собор, опять-таки в отличие от Спасской церкви, стал сразу с колокольней и приделом, и шатровое навершие над колокольней — элемент, конечно, древнерусского, деревянного еще зодчества, который в каменных постройках, особенно за Уралом, встречается очень редко. И уж совсем в дальние дали уходят своими корнями и фантазий фигурки на неожидаемых само по себе, случайно обнаруженных при реставрации собора керамических вставках, «изразцах», которыми был украшен храм, — все эти круги, лепестки, вековые и неведомые нам звери и птицы, застывшие на стенах из старинных легенд и сказок.

Вообще же, говоря о смене архитектурных стилей, нужно иметь в виду, что в наших краях из-за отдаленности своей и влияния местных мотивов это в особенности не имело определенных границ и твердых законов, и взаимопроникновение, взаимомосвязь и взаимосогласие разных направлений будет наблюдаться еще долго и в деревянном, и в каменном зодчестве. Возведенная значительно позднее Богоявленского собора Знаменская церковь (1762 г.) также совмещает в себе элементы барокко и древнерусского декора. Крестовоздвиженскую церковь по дивному своему, совершенно исключительному узорочью и причудливому использованию экзотики восточного орнамента, очевидно, от буддийских храмов, можно отнести, если бы тако-

вой существовал, к сибирскому барокко. Законы принятого в центрах градостроительства, добравшись за тысячи верст до Иркутска и подсплав местным воздухом, сплошь и рядом соскальзывали со своих уставных колодок на грешную сибирскую землю — поэтому зданий, построенных в чистом томи или ином стиле, здесь очень немного.

«Древность Иркутска доистопеченна, — писал побывавший в нашем городе в 1824 году Алексей Мартос, один из образованнейших людей своего времени, сын скульптора, поставившего на Красной площади в Москве памятник Минину и Пожарскому. — Ее можно уподобить той эпохе человеческой

жизни, которая, упорчив счастье потомков, может требовать уважение и внимание чад своих».

Удивительно верно и надолго умели высказаться люди прошлого, даже и путешествующие, но смотревшие на лик преображаемой земли и на дела рук человеческих не с точки зрения утилитарной и сиюминутной, а с позиций думающей о своем благоденствии нации.

И, перечисляя поразившие его в Иркутске памятники старины, Мартос в первую очередь называет Богоявленский собор и Спасскую церковь.

Иркутск может гордиться тем, что Спасская церковь и Богоявленский собор теперь почти полностью восстановлены — вот почему и можно говорить об их возрождении, как о чуде.

ИРКУТСК издавна считался купеческим городом. Мы привыкли видеть в этом понятии один лишь смысл, означающий тяжелое и малоподвижное общественное и нравственное существование, и порой забываем или не знаем о деятельности купечества в культурном и научном строительстве родного края. Деятельность эта сводилась, в основном, к денежным пожертвованиям, но и то куда как не худо: с каждого свое! Нельзя требовать от господ Сибиряковых и Кузнецовых, чтобы они были Потаниными и Ядринцевыми, а то, что они помогали Потаниным и Ядринцевым, заслуживает и от нас непредрезанной памяти. Сибирское купечество вообще достойно серьезного исследования, в котором должно бы отдать ему справедливость как в делах собственного обогащения, так отчасти и в делах, служивших пользе своей далекой и огромной, во всех откошениях забытой богом окраины. Разумеется, и здесь сплошь и рядом встречались типы, подобные персонажам из пьес Островского; разумеется, сказочные богатства невозможны были без грубой и нечистой практики своего ремесла — идеализировать и выделять, подписывать для сибирского кушча особый пьедестал никто не собирается.

Но как сибиряк по психологии своей отличался от жителя в коренной России, так и сибирский купец развился от тамошнего — в силу хотя бы местных условий. Иркутские купцы Шелихов, которого Державин назвал «Колумбом русским», и Баранов были в конце XVIII века первооткрывателями и основателями Русской Америки, осуществившими над Аляской и Алеутскими островами не только торговое, но и политическое господство. Банк Российско-Американской компании от начала и до конца находился в Иркутске. Экспедиции иркутского генерал-губернатора графа Муравьева в пятидесятых годах XIX века, финансировались, в основном, местными золотопромышленниками. Многочисленные в прошлом научные экспедиции на Крайний Север и Восток, в Монголию, Китай и Японию также не обходились без помощи иркутских богачей — отсюда, из Иркутска, где с 1851 года деятельно работал Сибирский отдел Географического общества, в сущности направлялось все исследование обширных и малоизученных восточных областей.

Можно припомнить еще, что иркутские купцы, находясь в постоянной почти

вражде к правительственному чиновному аппарату, знали и с декабристами, и с ссыльными поляками, открыто водили с ними дружбу и отдавали им детей своих в обучение, почитая это честью не для опальных, а для себя. Многие из них были людьми широко и разносторонне образованными, они выпускали из Москвы и Петербурга лучшие журналы и книги не только для себя, но и для устройства публичных библиотек. Сибиряковы из поколения в поколение вели летопись Иркутска; В. Н. Басиник знаменит был в городе, кроме богатства своего, собраниями книг, гравюр, музыкальными вечерами, на которые приглашались столичные артисты, и оранжереи ди-

винных цветов и плодов; в картинную галерею В. П. Сукачев, ставшую позднее основанием Иркутского художественного музея, вход для школьников был бесплатным, а сборы со взрослых шли в пользу городских общедоступных курсов. Можно бы назвать все это благостью с жиру бесящихся и выставлющихся друг перед другом богачей, когда бы не было от нее столько пользы и когда бы не создавала она той особой обстановки, которая и выделяла Иркутск из всех без исключения сибирских городов. Культурность его и интеллигентность были общепризнанными, средние и слабые театральные труппы не ропсали ехать на гастроли в Иркутск, боясь местного зрителя; вольнодумность горожан поранкала и пугала высоких инспектирующих чиновников и удивляла проезжих знаменитостей, оставивших об этом многочисленные свидетельства.

Конечно, прежде всего в этом сказывалось то, что Иркутск был местом ссылки, а ссыльные и здесь не отсиживались по углам, работали в училищах и школах, научных и технических обществах, в канцелярии генерал-губернатора и в газетах, имея тем самым возможность влиять на общественные вкусы и общественное мнение. В свое время декабрист Завалишин объявил настоящей войну Муравьеву-Амурскому, обличая того в творимых на Амуре и Забайкалье несправедливостях, так что прославленному генерал-губернатору пришлось переправлять декабриста из одной ссылки в другую, из Забайкалья в Минусинск. В первых печатных изданиях — в газетах «Иркутские ведомости» и «Амур» заправляли знаменитый Петрашевский и его единомышленники Львов, Спешнев, Загоскин и Шайков. Политический ссыльный И. И. Попов долгие годы редактировал выходившие в Иркутске газеты «Восточное обозрение» и журнал «Сибирский сборник», которые основал и до того выпускал в Петербурге Н. М. Ядринцев.

Что же до купцов — служение и богу, и мамоне неплохо совмещалось здесь, как нигде: ворочая нередко огромными капиталами, сибирский промышленник мог позволить себе без особого ущерба для кармана отвалить крупную сумму и во благо родному краю и родному городу. Большинство — и это не преувеличение, именно большинство — действовавших в прежнее время в Иркутске церквей, больниц, приютов, ремесленных и общеобразовательных училищ, в том числе для сирот иногородцев, арестантских детей и переселенцев, гимназий и библиотек построено было и содержалось на частные пожертвования. «Еще все эти учреждения и капиталы сопоставить с числом жителей в Иркутске, придется признать, что в отношении благотворительных средств Иркутск стоит среди русских городов чуть ли не на первом месте», — писал Сукачев, имея в виду 80—90-е годы прошлого столетия. Если в Петербурге в это время один иркутских богачей — отсюда, из Иркутска, где с 1851 года деятельно работал Сибирский отдел Географического общества, в сущности направлялось все исследование обширных и малоизученных восточных областей.

Можно припомнить еще, что иркутские купцы, находясь в постоянной почти

столь широкая благотворительность, плодами которой мы невольно продолжаем пользоваться до сих пор, — я имею в виду не эксплуатацию зданий, построенных в благотворительных целях, а прежде всего плоды культурные и духовные, позволяющие славой и трудами старших поколений считаться и по сейчас нашему городу в ряду самых образованных и интеллигентных.

Долгое время бывший самой далекой окраиной из всех губернских центров, Иркутск, однако же, с самого начала встал так выгодно и удобно, что его не могли миновать ни водные, ни сухопутные, ни воздушные пути, ни торговые и промышленные лихорадки, ни политическая и реформаторская деятельность, ни дворцовые перевороты и революционные бури. Где бы ни происходило что — акалось в Иркутске, в который или через который слали на каторгу и в ссылку потерпевших. Воистину это была подневольная Мекка; кого только не выдвигал на своем веку Иркутск, чьи имена навсегда остались в нашей истории.

Иркутск не миновали в своей громкой судьбе ни знаменитый анархист Бакунин, ни Радищев, ни Чернышевский, освободитель которого из вилкойской ссылки в Иркутск навещивались Герман Лопатин, один из переводчиков на русский язык «Капитала», и народник И. Н. Мышкин, ни петрашевцы, ни революционные демократы М. И. Михайлов и Н. А. Серно-Соловьевич. Декабристы и ссыльные поляки оказали огромное влияние на наш город в его общественном и нравственном развитии, словно не они, считавшиеся преступниками, а местное общество отдано было им на исправление и воспитание, вплоть до того, что декабристы преподавали в доме самого генерал-губернатора. Черский, Чекановский и Дыбовский из ссыльных поляков придали, как прежде выражались, блеск научной деятельности Географического общества, их имена навсегда остались на карте Байкала и Присаянья, изучению которых они отдали немало лет.

В период последней перед революцией, самой массовой ссылки, когда ссыльные составляли в нашем краю треть (правда, весьма неустойчивую, наполовину находящуюся постоянно в бегах) населения, в Иркутске бывали и жилили такие деятели революционного движения, как Красин, Бабушкин, Свердлов, Киров, Сталин, и другие. По своей доброй воле, что случалось прежде не так уж и часто, наш город навещали и оставили о нем теплые воспоминания писатели А. П. Чехов и И. А. Гончаров.

В 1920 году в Политотделе 5-й Армии тут работал Ярослав Гашек.

В Иркутске остались могилы Григория Шелихова, декабристов Муханова, Панова, Поджко, Екатерины Трубецкой с детьми, местных уроженцев и знаменитых деятелей русской дореволюционной мысли — А. П. Шапова, писателя и этнографа, и публициста М. В. Загоскина.

ИРКУТСКУ есть что помянуть и достанет что передать потомкам из истории своей страны, если мы, пришедшие теперь на смену многим поколениям, создавшим ему благородную славу, разумно и твердо, во имя памяти о себе, отнесемся к минувшему и сохраним то, что еще осталось. Как бы ни читали и ни прославляли мы наше время и общество, нельзя забывать, что они невозможны были без прошлого, без тех, кто трудами и подвижничеством, мученичеством и борьбой установил нас в жизни и дал Родину, которой мы вправе гордиться.

Иркутск растет и строится, как растет и строится Сибирь наших дней. Как в городе нашем достаточно места, чтобы, строя новое, не уничтожать старого, имеющего культурную и нравственную ценность, так и в душах и сердцах наших хватит чувства на то и другое.

«Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости», — сказал когда-то Пушкин. Подле этой черты мы, покое, теперь и остановились, сознавая, что нельзя отступать назад и не смея, но все приготовившись и приготовившись двинуться вперед, к подлинному уважению. И перед столь решительным и замедлившимся шагом не сказать ли нам в утешение и поддержку — Иркутск с нами.

ИРКУТСК С НАМИ

Сов. культура, 1979

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ